

DOI: 10.25587/SVFU.2016.2.10876
УДК 398.224(=512.157)+398.224(=211'01)

А. Ф. Корякина

ОЛОНХО И ДРЕВНЕИНДИЙСКИЙ ЭПОС «РАМАЯНА»: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ И РАСХОЖДЕНИЯ В СЮЖЕТЕ

По своему масштабному и фантастически грандиозному содержанию, по красоте и богатству словесного художественно-изобразительного мастерства якутский героический эпос может претендовать на достойное место наряду с такими памятниками эпического наследия как древний шумерский эпос о Гильгамеше, греческие «Илиада» и «Одиссея», германская «Песни о Нибелунгах», финская «Калевала», русские былины, индийские «Махабхарата», «Рамаяна» и др. На сегодня перед якутским эпосоведением актуальным является проблема определения места признанного ЮНЕСКО Шедевром Устного Нематериального Наследия Человечества якутского Олонхо в пространстве мировых эпосов. Решению данной проблемы будут способствовать сравнительные исследования олонхо с эпосами мира.

По предположению исследователей, в средние века предки якутов входили в состав Великого Каганата тюрков, который имел культурные связи со многими странами, в т. ч. и с Индией. Не исключено, что в олонхо и индийском эпосе, несмотря на уникальность каждого из эпосов, имеются сходные сюжеты, мотивы, образы, художественные идеи. В статье ведется сравнительный анализ олонхо К. Г. Оросина «Нюргун Боотур Стремительный» и индийского эпоса «Рамаяна» в литературном изложении В. Г. Эрмина и Э. М. Темкина, направленный на обнаружение аналогий и различий в их сюжетной системе. Исследования наличия типологических параллелей в якутском героическом эпосе Олонхо и индийском эпосе «Рамаяна» также могут позволить выявить своеобразие якутского эпоса, так как благодаря культурным, историческим и ментальным особенностям народов мира, каждый отдельно взятый эпический памятник приобретает особые, неповторимые черты.

Ключевые слова: олонхо, якутский героический эпос, Нюргун Боотур Стремительный, индийский эпос, Рамаяна, типологические параллели, сюжетные сходства и различия, сравнительное изучение, эпосы народов мира.

A. F. Koryakina

Olonkho and ancient Indian epic “The Ramayana”: typological similarities and differences in the plot

Yakut heroic epic by its global and great content, by beauty and wealth of imaginative skill can pretend to rightful place along with epic heritage monuments such as ancient Sumerian epic “Gilgamesh”, Greek “The Iliad” and “The Odyssey”, German “The Song of the Nibelungs”, Finnish “The Kalevala”, Russian bylines, Indian “The Mahabharata”, “The Ramayana” and others. Today, the problem of positioning Olonkho in epic world as Masterpiece of the Oral and Intangible Heritage of Humanity is current for modern Yakut epic studies. Comparative studies of Olonkho with world epic will resolve this problem.

The researchers assumed that in the Middle Ages Yakut ancestors were a part of the Turkic Great Kaganate and had cultural relations to many countries, including India. It is possible that despite uniqueness of each epic there are similarities in plot, motive, characters and artistic ideas of Olonkho and Indian epic. The article provides comparative analysis of “Nyurgun Bootur the Swift” by K. G. Orosin and Indian epic “The Ramayana” in literary exposition by V. G. Ermin and E. M. Tyomkin. The analysis is aimed at detection of similarities and differences of the epics’ plots. The studies of typological similarities of Yakut heroic epic olonkho and Indian epic “The Ramayana” can also expose Yakut epic singularity as each epic monument gets special inimitable traits in consequence of cultural, historical and mental peculiarities of peoples of the world.

Keywords: olonkho, Yakut heroic epic, Nyurgun Bootur the Swift, Indian epic, The Ramayana, typological parallels, similarities in plot, differences, comparative study, world epic.

КОРЯКИНА Антонина Федоровна – к. п. н., ученый секретарь Научно-исследовательского института Олонхо СВФУ им. М. К. Аммосова.

E-mail: aitalilen@mail.ru

KORYAKINA Antonina Fedorovna – Candidate of Pedagogic Sciences, Scientific Secretary of Scientific Research Institute of Olonkho, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

E-mail: aitalilen@mail.ru

Введение

По своему масштабному и фантастически грандиозному содержанию, красоте и богатству словесного художественно-изобразительного мастерства якутский героический эпос может претендовать на достойное место наряду с такими памятниками эпического наследия как древний шумерский эпос о Гильгамеше, греческие «Илиада» и «Одиссея», германская «Песни о Нибелунгах», финская «Калевала», русские былины, индийские «Махабхарата», «Рамаяна» и др. На сегодня перед якутским эпосоведением актуальным является проблема определения места якутского героического эпоса в пространстве мировых эпосов. В решении проблемы могут способствовать сравнительные исследования олонхо с эпосами мира.

Олонхо как художественно-эпическая традиция принадлежат к общему культурно-историческому наследию тюрко-монгольских народов, в связи с этим в них имеются общие мотивы, сюжеты и образы. В них отражаются реальные очертания отдаленных событий, межплеменные контакты и этнические связи тюрко-монгольских народов. На большое сходство якутского героического эпоса с эпосами других тюркских и монгольских народов неоднократно указывали многие исследователи: В. М. Жирмунский [1], А. П. Окладников [2], Г. У. Эргис [3], И. В. Пухов [4, 5, 6] и др.

По предположению исследователей, в средние века предки якутов входили в состав Великого Каганата тюрков, который имел культурные связи со многими странами, в т. ч. и с Индией [7, с. 298, 309]. Не исключено, что в олонхо и индийском эпосе, несмотря на уникальность каждого из эпосов, имеются сходные сюжеты, мотивы, образы, художественные идеи. В статье ведется сравнительный анализ олонхо К. Г. Оросина «Нюргун Боотур Стремительный» [8] и индийского эпоса «Рамаяна» в литературном изложении В. Г. Эрмина и Э. М. Темкина [9], направленный на обнаружение аналогий и различий в их сюжетной системе. Исследования наличия типологических параллелей в якутском героическом эпосе Олонхо и индийском эпосе «Рамаяна» также могут позволить выявить своеобразие якутского эпоса, так как благодаря культурным, историческим и ментальным особенностям народов мира каждый отдельно взятый эпический памятник приобретает особые, неповторимые черты.

Метод исследования

Для изучения общих закономерностей, обуславливающих появление и развитие жанровых систем и связанных с ними сюжетов, образов, художественных идей эпосов мира, единых законов специфики народного коллективного творчества, применима сравнительно-типологическая методология, т. к. «эпос собственно героический в соответствии со своим местным национальным и историческим содержанием нелегко поддается международным литературным влияниям со стороны. Черты сходства между героическим эпосом разных народов имеют почти всегда типологический характер» [10, с. 195].

Сравнительные аспекты занимают большое место в исследовательской практике фольклора, в результате чего накоплен огромный теоретический материал. Проблема была изучена такими крупными исследователями фольклора, как В. Я. Пропп, В. М. Жирмунский, Е. М. Мелетинский, Б. Н. Путилов, Карл Райхл, П. А. Гринцер и др.

В своих фундаментальных историко-типологических исследованиях В. Я. Пропп [11, 12] дал разработанное научное определение эпоса, отличительной чертой которого он считает героическое содержание, описание высоких идеалов поведения для данной эпохи, музыкально-песенное исполнение, определенная метрическая структура и художественное обобщение. Ученый восстановил предысторию русского героического эпоса путем сопоставления его архаических элементов с живыми эпическими системами народов Сибири и Крайнего Севера. Его работа «Морфологии волшебной сказки» фактически стала одной из фундаментальных работ, основанных на использовании структурно-типологического метода.

В своих работах «Узбекский народный героический эпос» [13], «Введение в изучение эпоса «Манас» [14], «Сказание об Алпамыше и богатырская сказка» [15], «Огузский героический эпос и «Книга Коркута» [16] русский советский лингвист и литературовед В. М. Жирмунский произвел широкомасштабное сравнительное исследование тюркских эпических традиций. Он впервые в эпосоведении подчеркнул типологический характер сходства сюжетов героического эпоса разных народов и отметил, что оно «основано в конечном счете на художественном

обобщении сходной социальной действительности и на одинаковом уровне развития общественного сознания» [16, с. 29].

Е. М. Мелетинский изучил генезис и развитие повествовательных традиций в архаической словесности, на обширном материале тюрко-монгольского, карело-финского, нартского эпического фольклора, творчества народов Австралии и Океании проанализировал основные жанры эпического и сказочного фольклора с самых ранних форм, отраженных в бесписьменных культурах. Произвел историко-типологическое изучение Старшей Эдды – письменного сборника исландских эпических песен, в результате чего выявил его устное происхождение. Ученым описаны закономерности развития эпических жанров от архаических истоков до литературы Нового времени, произведен взаимодополняющий синтез исторической типологии и структурного подхода. Е. М. Мелетинским была разработана модель анализа семантики мотива и сюжета в труде «О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов» [17]. Он показал движение словесного искусства от мифа и обряда к эпосу и литературе.

Особое значение для изучения эпоса имеют работы Б. Н. Путилова [18, 19, 20, 21, 22, 23, 24]. В его трудах выводятся важные для эпосоведения положения. Ученым установлено, что эпический герой приходит в историю из архаического мифа. По мнению Б. Н. Путилова, процесс развития эпоса проходит определенные стадии, общие у многих народов, независимо от наличия культурных контактов: от архаического эпоса к героическому, и далее к религиозно-дидактическому или историческому эпосу. Б. Н. Путилов обнаруживает действие универсальных эпических закономерностей, типологической общности процесса эпосотворчества. Он разработал эффективную методологию исследований, которая дает широкие возможности исследования в национальных эпосах взаимоотношений общего и локального, параллельности и преемственности, вариативности и мифологического подтекста. Одной из методологических проблем ученый поставил необходимость научной разработки понятия «типология» и его применения к фольклору, а также в установлении границ и уровней его применения: «На наш взгляд, типология в фольклоре означает систему закономерно возникающих и исторически обусловленных соответствий на самых различных уровнях – от такого – «элементарного», как образ или художественное средство, до фольклорной системы в целом. Мы вправе говорить о типологии образа, мотива, ситуации, сюжета, о типологии жанра или жанровой разновидности, о типологии принципов отношения фольклора к действительности (например, типологии историзма), о типологии идей и шире – фольклорного сознания» [21].

В изучении эпоса революционный сдвиг осуществили американские исследователи М. Пэрри и А. Лорд, суммировавшие результаты своих исследований техники Гомера и современного эпоса народов Югославии в монографии «Сказитель» [25].

Индолог П. А. Гринцер исследовал путь, который «Рамаяна» проделала от героического к так называемому «искусственному». В его монографии «Рамаяна» рассматривается на фоне широкого типологического сопоставления с другими эпическими памятниками древности и средневековья, а также фольклорной эпической традицией [26].

Происхождение эпосов. Сказители

По утверждению историков, героический эпос тюркоязычных народов зародился и развивался в глубокой древности, в эпоху их обитания в степях Центральной Азии во II-I тысячелетии до н. э. Долгое время он бытовал в устной традиции и передавался из поколения в поколение. Олонхо складывались и совершенствовались олонхосутами, благодаря которым основное содержание, сюжет, мотивы, богатство языка и художественно-образительных средств, эпические формулы и типические места сохранились в первоначальной форме, составляя архаические пласты эпической традиции.

Олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К. Г. Оросина является одним из самых архаичных якутских эпосов олонхо. В 1907 г. впервые опубликовано в серии «Образцы народной литературы якутов, издаваемых под редакцией Э. К. Пекарского». В записи, редакции, подстрочном переводе Г. У. Эргиса на якутском и русском языках издано научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории ЯАССР в 1947 г.

«Рамаяна», героический эпос древней Индии, имеет другую историю. Она создана предположительно в V в. до н. э., составила ядро литературного цикла и видоизменялась

много раз под массой разнородного материала относительно позднего происхождения. «Рамаяна» состоит из произведений разнообразного характера и содержания – художественных, философских, религиозных и научных, созданных многими авторами на протяжении многих столетий.

Существует версия о том, что у «Рамаяны» есть автор – Вальмика. Приписывание создания «Рамаяны» определенному лицу явилось источником длительной научной полемики. В связи с тем, что «Рамаяна» отличается целостностью композиции, единообразием тематики и стиля, последовательностью изложения событий, многие специалисты не исключают того, что по крайней мере большая часть эпоса принадлежит одному поэту. При всем этом, считается, что «Рамаяна» родилась из архаического эпоса. Она была создана на санскрите – древнеиндийском литературном языке, основном языке древнеиндийской культуры и сложена белым стихом, рассчитанным на музыкальное исполнение.

Якутский эпос исполняли сказители-олонхосуты. Описательные и повествовательные места произносились речитативом, монологи и диалоги пелись.

Индийский эпос, как и наше олонхо, имеет устную традицию исполнения. Об исполнителях в самой «Рамаяне» говорится, что пели «Рамаяну» бродячие сказители – царевичи Куша и Лава, оказавшиеся в изгнании, которые рассматривались впоследствии в индийской эпической традиции как предшественники и прародители всех сказителей-кушилавов. Эпические поэмы древней Индии исполнялись сказителями *нараспев*.

Якутский и индийский эпосы долгое время бытовали устно. Материалы данного исследования (олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» и «Рамаяна») имеют авторов. Олонхо сказывалось олонхосутами то речитативом, то песней. «Рамаяна» исполнялось *нараспев*.

Объем

Олонхо состоят из 5-10 тыс. или 15-25 тыс. и более строк. Но есть и более крупные эпические тексты, как олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», воссозданное П. А. Ойунским, содержащее 36 тыс. поэтических строк. По сравнению с другими олонхо, олонхо К. Г. Оросина «Нюргун Боотур Стремительный» небольшое по объему, состоит из 559 строф, состоящих от 10 до 20 строк. В нем 16 частей: «Описание страны», «Вселение в средний мир Нюргуна и его сестрицы Айталы Куо», «Нюргун становится богатырем», «Похищение красавицы Айталы Куо богатырем Нижнего мира», «Победа Нюргуна над Ыйыста Хара и освобождение Айталы Куо», «Освобождение Туйаарымы Куо от притязаний богатыря абаасы Тимир Джэсинтэй», «Испытание Нюргуна купанием в мертвой воде», «Рассказ о без вести пропавшем богатыре Кюн Джириминэ», «Подарок волшебной плети Нюргуну шаманки Айыы Умсуур», «Первый бой Нюргуна с богатырем абаасы Уот Усутаакы», «Победа Нюргуна над Уот Усутаакы», «Освобождение богатырей айыы из плена», «Столкновение Нюргуна с неузнанным братом Юрюнг Уоланом», «Поездка Нюргуна к прекрасной Кыыс Нюргун», «Разрушение волшебного вервья Ап Чарай», «Победа над волшебником Алып Хара и освобождение богатыря Айыы Джурагастая», «Возвращение Нюргуна на родину».

Объем «Рамаяны» огромный, состоит из семи книг: «Детство», «Айодхья», «Лесная», «Кишкиндха», «Прекрасная», «Битва», «Последняя».

Сравнение схем развития сюжетов эпосов

Страна, в которой живут герои эпосов

Во вступительной части олонхо К. Г. Оросина описывается страна, где живет *айыы аймага*. В этом Среднем мире по предназначению высших божеств должен жить богатырь *айыы*:

Эта местность, как пуп земли,
прочно в полном расцвете утвердилась
и как самое великолепное средоточие мира
в полной и пышной красе установилась.
Достигла она предельного совершенства
как (необозримая) такая равнина,
что неведомо, есть ли у ней противоположная грань,
неизведано, имеет ли она потусторонний край;
с пространством необъятным,

с очертаниями невидимыми
широкой вольготной страной стала она [8].
Люди этого Среднего мира страдают от притеснения племени абаасы:
Это самый средний серопятнистый мир,
с водами – испаряясь убывающими,
с деревьями – падая редуемыми,
и счастливых жителей, и скот его,
огромные, несметные богатства его,
широкое вольготное довольство его,
высоко торжествующее счастье его
разрушает вот этот, – ставший владыкой
нижнего мира двадцати семи племен,
старец Ардьанг Дуолай огонёр
со старухой своей Ала Буурай,
кто с деревянной колодкой на ногах садами [8].

Индийский эпос тоже начинается с описания чудесной земли: «К югу от гор Гималаев – обители снегов, на берегах тихоструйной Сарайю и многоводной Ганги лежит страна Кошала, богатая и счастливая, изобильная зерном и скотом, тучными пастбищами и цветущими» [9, с. 21].

Но, живя в такой богатой, красивой земле, государь страны Кошала горько страдает: «... великое горе давно уже точило душу государя Айодхьи, и ничто не веселило его. Не было потомства у благородного Дашаратхи, не было у него сына, некому было передать власть и государство» [9, с. 22].

Чудесное появление на свет героев

В обоих эпосах в облегчении горькой участи людей участвуют высшие божества. Чудесно рождение сверхъестественных героев обоих рассматриваемых эпосов.

В якутском олонхо на среднем низком небе у родоначальников *айыы аймага* есть двухлетний сын:

На девяти небесах рожденный,
До средних ветвей лиственницы ростом,
Гнедым конем владеющий,
Стремительный Нюргун Боотур [8].

Джылга Хаан Тойон, которому суждено определить судьбы людей, велит передать высшему божеству Юрюнг Айыы Тойону для того, чтобы:

Дальних стран злодеев судить,
Потусторонних стран злоумышленников обуздать –
С таким высоким предназначением я создал его [8].

И просит поселить Нюргун Боотура с сестрой Айталы Куо в Среднем мире. Просьба Джылга Хаан Тойона услышана Юрюнг Айыы Тойоном. Он велел родителям Нюргун Боотура спустить своих детей на Средний мир для установления мирной жизни. Старший брат Нюргун Боотура Мюлсют Беге, которому доверена забота о брате и сестре, посадил их на облако-полотно и погнал в Средний мир. При прощании он обратился к младшему брату:

В то время, когда атаманы абаасы,
Хищники из южных полчищ,
Отборные из полчищ леших
Племя Айыы аймага,
Людей солнечного улуса
Обижать, нападать начнут,
Тогда ты должен защитить, оградить их должен!
Будь им заслоном, словно дремучий лес,
Будь им оградой, словно густой непроходимый лес! [8]

Рождение защитника людей в «Рамаяне» тоже необычно: «И решил однажды повелитель Айодхьи принести богам великие жертвы в надежде, что они даруют ему сына. Боги остались довольны принесенной им жертвой... и обратились они тогда к богу-творцу, великому Брахме,

с просьбой даровать праведному Дашаратхе сына: «Дай, господин, Дашаратхе сына, – просили бога всемогущего Брахму, – надели его необоримой силой, пусть он избавит нас и все живое в мире от Раваны и его злодейства». Мольба богов была услышана богом-творцом великим Брахмой: по его велению Вишну, Хранитель Мира, передал Дашаратхе золотой сосуд, наполненный сладким молоком и сказал: «Ты снискал милость богов, благочестивый царь. Отдай сосуд своим женам, пусть выпьют они божественный напиток, и не будет у тебя недостатка в сыновьях». Дашаратха передал молоко всем троем своим женам. Через одиннадцать месяцев жены принесли царю четырех сыновей: Каушалья родила Раму, Кайкейи – Бхарату, Сумитра – близнецов Лакшману и Шатругхну [9, с. 26]. Так родился герой «Рамаяны».

Праведный царевич Рама, старший и любимый сын Дашаратхи, царя Айодхьи, в результате интриг, затеянных одной из жен его из-за желания посадить своего сына на трон царя, удален в изгнание. Вместе со своей женой, прекрасной Ситой, и верным младшим братом Лакшманой Рама находит убежище в лесах Центральной и Южной Индии. На долю скитальцев выпадает немало бед и невзгод, с которыми они смело справляются.

Завязка конфликта – похищение женщины

Завязка конфликта в обоих эпосах сходна: похищены чудовищами женщины – в «Нюргун Боотуре» сестра богатыря Айталы Куо, в «Рамаяне» – жена Рамы Сита.

Вот как волнительно описание возвращения Нюргун Боотура в опустевший после похищения сестры дом: «Вошел в дом свой, посмотрел на левую половину дома, где жила его сестрица – одна сторона дома-балагана разрушена, нары, на которых она спала, разворочены, не осталось ни постели, ни одеяла её; зияло пустое место. Трижды обежал он своё жилище, но своей сестрицы не нашел... Тогда трижды разразившись таким громким криком, что его родная страна заколебалась как вода в корытце, жилище и очаг посыпались сверху, Нюргун выскочил во двор, трижды обежал кругом, но ничего ровно не нашел...» [8].

В «Рамаяне» похищение Ситы повелителем демонов и царя острова Ланки Раваной описывается как ужасное горе: «Получив отказ от прекрасной Ситы стать ему женой, влюбленный Рава, великий и всемогущий царь ракшасов, «охваченный страстью, подошел к супруге Рамы. Одной рукой он схватил Ситу за волосы, а другой обнял ее бедра... Через миг у хижины Ситы появилась чудесная колесница. Равана усадил в нее горестную Ситу, сам сел рядом с нею, и зеленые небесные кони подняли колесницу в поднебесье» [9, с. 161].

Освобождение женщины

Освобождают женщин герои эпосов в великих сражениях. Поражает в описании битв широкомасштабность, богатство фантазии, изобразительных средств: Нюргун Боотур настиг Ыйыста Хара, отрубил три головы огнедышащей змеи, на которой убежал тот с выкраденной Айталы Куо и схватил падающую сестру, посадил на свою лошадь. Верный друг и советчик – конь богатыря тут же умчался. Начался смертельный бой между богатырями *айыы* и *абаасы*, от которого Нижний мир начал дрожать. По велению отца Ыйыста Хара Арджанг Дуолая и Джылга Хаан Тойона, богатыри ведут бои в Верхнем мире сначала на священной горе, потом на ледяном острове-утесе на середине Огненного моря.

Семь дней и ночей, не прекращая ни на мгновение, вел битву Рама во имя спасения любимой жены. Головы Раваны не раз падали на землю от стрел Рамы, но тотчас на месте их вырастали новые. И наконец, «Рама взял в руки пылающую стрелу, созданную некогда Брахмой, Прародителем богов. В оперении той стрелы «был заключен Ветер, в острие огонь и Солнце, в древке – небо, в тяжести ее – горы Меру и Мандара. Она была ужасна, как смерть, и издавала змеиное шипение» [9, с. 400]. «И стрела Брахмы, посланная Рамой, поразила Равану, разверзла грудь его и, пронзив сердце его, смытая кровью ракшаса, вернулась в колчан. А Равана упал на землю бездыханный» [9, с. 400].

Рама, как Нюргун Боотур, встречает на своем жизненном пути много странных существ. Уродливая сестра демона Равана влюбляется в царевича и всячески пытается уничтожить его красавицу-жену Ситу.

В трудные минуты героям прибегают на помощь многие персонажи. В олонхо, когда богатырь *абаасы* первым сбросил богатыря *айыы* в Огненное море, Айыы Умсуур *удаган* для спасения брата одним дуновением сделала серебряный мостик, и падающий Нюргун Боотур встал

обеими ногами на этот мост, таким образом спасая от гибели. Так шаманка Айыы Умсуур несколько раз спасает своего брата. Конь предупреждает богатыря, когда появится Ыйыста Хара, во избежание беды сразу же начать бой, не дав ему войти в дом.

Если у Нюргун Боотура близким другом-советчиком является конь, у Рамы отважный и благородный друг – старый ястреб Джатаю. Он вступает в смертельную схватку с Раваной, чтобы спасти Ситу от похитителя, и умирает от раны, нанесенной этим чудовищем [9, с. 181]. А летающие обезьяны помогают Раме найти месторасположение украденной жены. Перевоплощаясь в кошку, обезьяна-разведчица помогает встретиться ему с пленницей. Много раз, рискуя своей жизнью, помогает Раме лучший из обезьян Хонуман. В конце концов, с помощью обезьяньего войска братья освобождают Ситу.

В отличие от индийского эпоса, в котором после победы над Раваной устанавливается мирная жизнь в его царстве, в якутском олонхо Нюргун Боотур предпринимает еще несколько боев против *абаасы аймага*. Так он одерживает победу над Тимир Джэсиктэем, спасая Туйаарыму Куо от его притязаний. Убив в страшном бою Уот Усутаакы, освобождает богатырей *айыы* от плена. А последний бой, увенчанный тоже победой, у него был с богатырем *абаасы* Алып Хара, который пленил богатыря Айыы Джурагастая – брата богатырки Кыыс Нюргун.

Оба эпоса богаты на неожиданности и полны всевозможных чудес. И здесь поражает величие фантазии человеческой мысли: это и чудесное рождение героев, и описания страшных превращений чудовищ, и волшебные друзья и близкие героев, и летающий конь, говорящий человеческим голосом, верный своей дружбе старый ястреб, магия бессмертия главных героев и персонажей...

Повествование в «Нюргун Боотуре» и «Рамаяне» окрашивается и впечатление усиливается своеобразными изображениями картин природы. Во время похищения Айталы Куо богатырем *абаасы*, началась такая буря, как-будто она предвещала беду: «...ветер усилился, стал сильным вихрем, средняя страна заколебалась как зыбкая трясина; морские волны взболтались, байкальские волны взбушевались; на противоположной стороне долины повалились вершины утесов; вся долина запылала огнем молний. Светлоголубое небо наверху перестало виднеться» [8].

В «Рамаяне» описываются прекрасные картины индийской природы в различные времена года. Например, в рассказе о пребывании Рамы в изгнании содержится много изящных описаний природы. Вот как говорится о сезоне дождей: «Взгляни, сколь прекраснее стали теперь леса: зеленые от долгошумящих дождей, они пестрят красками оперения танцующих павлинов. Рокочущие громом тучи изнемогли под бременем переполняющих их вод и отдыхают на вершинах гор, а рядом с ними стройной цепью, ликуя, проносятся журавли, словно лепестки лотоса, уносимые ветром. Цветами и травами одета согретая земля, словно красавица, окутанная многоцветным покрывалом...» [9].

Портреты главных героев описываются с такой любовью, что они предстают перед глазами как живые. Они прекрасны и внешне, и внутренне. Вот он Нюргун Боотур, любимец *айыы аймага*: «Длинный нос его, оказывается, смахивал на голennую кость передней ноги Ретивого коня; Вытянутые брови напоминали собой пару сложенных в длину серых горностаев; имел он круглые глаза, словно витые кольца узды; с достаточно угрюмой внешностью, с довольно крутым нравом; с издавающимся кровавым сгустком, с подергивающейся кровеносной жилой, с играющей горячей кровью; с крепкими мышцами, с дюжими плечами, с сильными икрами, с упругим телом, и вправду стал он видом сильнейший, телосложения богатырского, с наружностью быstroногого. Стал он лучшим из юношей, первейшим из якутов» [8].

Автор «Рамаяны» не скупается на сравнения при описании портрета Рамы: «Лучезарный, как солнце, озаряющее небо, восхищающий взоры, как Месяц, он щедр к подданным своим, как сам Кубера, бог богатства. Он отважен, как Индра, правдив и красноречив, как Вачаспати, прекрасен, как Кама, бог любви» [9, с. 268].

В якутском эпосе «Нюргун Боотур Стремительный» только местами, коротко описывается эмоциональное состояние героев. В «Рамаяне» гораздо больше места, чем в олонхо, уделяется описанию психологических состояний героев: их любви, переживаний, ненависти. Она переполнена красками эмоций и чувств. В ней много драматических и исполненных пафоса эпизодов, отмеченных глубоким психологизмом.

В эпосах отмечается единообразие основных мотивов эпосов, таких как чудесное рождение героев, их магическая неуязвимость, похищение чудовищами женщин, обретение волшебного коня или оружия, поход героев во имя спасения женщин.

Развязка

Конец олонхо К. Г. Оросина счастливый, что характерно для якутского эпоса: все представители *айыы аймага* остались живы, Нюргун Боотур женился на Кыыс Нюргун, Юрюнг Уолан – на Туйаарыма Куо, Айыы Джурагастай – на Айталы Куо, и все стали жить мирной счастливой жизнью.

А в «Рамаяне» неожиданный поворот событий: Рама выполнил свою важную миссию – победил своего врага Равану. Подозреваемая в измене любимая жена оказалась верной, и Рама наконец-то смог приступить к обязанностям правителя. Но тут, поверив слухам, распространенным среди народа, Рама опять начал подозревать в измене свою прекрасную жену. В результате царь отвергает свою беременную сыновьями супругу, вынуждая покинуть дворец. Сита уходит в лес к отшельникам. Ей покровительствует мудрец Вальмики (т. е. автор поэмы). Сита рождает и воспитывает сыновей Рамы достойно. В лесу они посвящают отцу поэму «Рамаяна», которую и рассказывают Раме при встрече. Рама, узнав своих сыновей, осознает свою вину и горько раскаивается в совершенных ошибках. Однако, найдя свою супругу, вместо воссоединения с ней, он вновь требует доказательств верности. Расстроенная Сита умоляет *Мать Сырью Землю* принять ее к себе в качестве требуемых доказательств. Земля «разверзает свои бездны и принимает ее в свое лоно». Рама сокрушается над собственной недоверчивостью, но ушедшее время вернуть не в его власти. Сита уходит навсегда, доказывая ему в очередной раз свою чистоту. Только на небесах супругам суждено встретиться вновь.

Заключение

В результате сравнительного анализа якутского и индийского эпосов обнаружены факты типологических схождений:

- якутский и индийский эпосы долгое время бытовали в устной традиции и передавались в народе из поколения в поколение;
- обоих эпосов объединяет мотив похищения и возвращения похищенных женщин. У обоих эпосов главные герои ведут бои с врагами-чудовищами и одерживают победы над ними. Местами аналогично развитие событий в сюжете;
- в якутском олонхо и индийском эпосе восхищает красота, могущество, смелость главных героев;
- оба эпоса богаты чрезмерной фантазией, удивительными чудесами;
- эпосов объединяет поразительное богатство художественно-изобразительных средств.

В эпосах имеют место и расхождения:

- Олонхо складывались и совершенствовались олонхосутами, благодаря которым основное содержание, сюжет, мотивы, богатство языка и художественно-изобразительных средств, эпические формулы и типические места сохранились в первоначальной форме, составляя архаические пласты эпической традиции. «Рамаяна», героический эпос древней Индии, состоит из произведений разнообразного характера и содержания – художественных, философских, религиозных и научных, созданных многими авторами на протяжении многих столетий.

- В «Рамаяне» гораздо больше места, чем в олонхо, уделяется описанию психологических состояний героев: их любви, переживаний, ненависти.

Сравнительный анализ олонхо К. Г. Оросина «Нюргун Боотур Стремительный» и древнеиндийского эпоса «Рамаяна» подтверждает тот факт, что для них характерны эпические традиции описания чудесного рождения главных героев, борьбы их против чудовищ-врагов, защиты людей от натиска нечистых сил, освобождения украденных женщин. Не громко будет сказано, если подчеркнуть, что по масштабу описания событий, богатству языка и изобразительно-художественных средств, гуманистическому содержанию торжества добра над злом олонхо никак не уступает «Рамаяне», известному в мире эпосу. Окончательные выводы требуют углубленного, комплексного изучения, над чем нам предстоит работать.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-04-00496(а).

Литература

1. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. – Ленинград: Наука, 1974. – 434 с.
2. Окладников А. П. Якутский эпос (олонхо) и его связь с югом. – Якутск: Изд. «Сайдам», 2013. – 62 с.
3. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. – Москва: Наука, 1974. – 402 с.
4. Пухов И. В. Олонхо – древний эпос якутов. – Якутск: Изд-во «Сайдам», 2013. – 46 с.
5. Пухов И. В. Якутский героический эпос – олонхо. – Якутск: Якутский филиал Издательства СО РАН, 2004. – 206 с.
6. Пухов И. В. Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири. Общность, сходства, различия // Типология народного эпоса. – Москва: Наука, 1975. – 327 с.
7. А. фон Габен. Древнетюркская литература // Зарубежная тюркология. – М.: Наука, 1986. – 384 с.
8. Оросин К. Г. Нюргун Боотур Стремительный. – Якутск, 1947. – 410 с.
9. Рамаяна. Древнеиндийский эпос. Литературное изложение В. Г. Эрмана и Э. Н. Темкина. – Москва: Наука, 1965. – 446 с.
10. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос : Избранные труды / В. М. Жирмунский – Ленинград: Наука, 1974. – 727 с.
11. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – Ленинград, 1986. – 507 с.
12. Пропп В. Я. Русский героический эпос: Собрание трудов В. Я. Проппа / сост. С. П. Бушкевич. – Москва, 1999. – 640 с.
13. Жирмунский В. М. Узбекский народный героический эпос [Текст] / В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов. – Москва: Гослитиздат, 1947. – 520 с.
14. Жирмунский В. М. Введение в изучение «Манаса» [Текст] / В. М. Жирмунский. – Фрунзе, 1948. – 111 с.
15. Жирмунский В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка [Текст] / В. М. Жирмунский. – Москва: ИВЛ., 1960. – С. 63-84.
16. Жирмунский В. М. Огузский героический эпос и «Книга Коркута» [Текст]: книга моего деда Коркута: Огузский героический эпос / В. М. Жирмунский / пер. акад. В. В. Бартольда. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 131-259.
17. Мелетинский Е. М. О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов. РГГУ. – Москва, 1994. – 136 с.
18. Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. – 223 с.
19. Путилов Б. Н. Искусство былинного певца: Из текстологических наблюдений над былинами // Принципы текстологического изучения фольклора. – Москва; Ленинград, 1966. – С. 220-259.
20. Путилов Б. Н. Концепция, с которой нельзя согласиться // Вопросы литературы. – 1962. – № 11. – С. 98-111.
21. Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. – Ленинград: Наука, 1976. – 244 с.
22. Путилов Б. Н. О современном народнопоэтическом творчестве // Звезда. – 1954. – № 2. – С. 144-151.
23. Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос: Сравнительно-типологическое исследование. – Москва: Наука, 1971. – 316 с.
24. Путилов Б. Н. Эпическое сказительство. Типология и эпическая специфика. – Москва: Вост. лит., 1997. – 295 с.
25. Пэрри М., Лорд А. Сказитель. – Москва: Вост. лит., 1994. – 369 с.
26. Гринцер П. А. Эпос древнего мира // Типология взаимосвязи литератур древнего мира. – Москва, 1971. – С. 134-206.

References

1. Zhirmunskij V. M. Tjurkskij geroicheskiy jepos. – L.: Nauka, 1974. – 434 s.
2. Okladnikov A. P. Jakutskij jepos (olonho) i ego svjaz' s jugom. – Jakutsk: Izd. "Sajdam", 2013. – 62 s.
3. Jergis G. U. Ocherki po jakutskomu fol'kloru. – M.: Nauka, 1974. – 402 s.

4. Puhov I. V. Olonho – drevnij jepos jakutov. – Jakutsk: Izd-vo “Sajdam”, 2013. – 46 s.
5. Puhov I. V. Jakutskij geroicheskiy jepos – olonho. – Jakutsk: Jakutskij filial Izdatel'stva SO RAN, 2004. – 206 s.
6. Puhov I. V. Geroicheskiy jepos tjurko-mongol'skih narodov Sibiri. Obshhnost', shodstva, razlichija // Tipologija narodnogo jeposa. – M.: Nauka, 1975. – 327 s.
7. A. fon Gaben. Drevnetjurskaja literatura // Zarubezhnaja tjurkologija. – M.: Nauka, 1986. – 384 s.
8. Orosin K. G. Njurgun Bootur Stremitel'nyj. – Jakutsk, 1947. – 410 s.
9. Ramajana. Drevneindijskiy jepos. Literaturnoe izlozhenie V. G. Jermana i Je. N. Temkina. – M.: Nauka, 1965. – 446 s.
10. Zhirmunskij V. M. Tjurkskiy geroicheskiy jepos : Izbrannye trudy / V. M. Zhirmunskij – L.: Nauka, 1974. – 727 s.
11. Propp V. Ja. Istoricheskie korni volshebnoj skazki. – L., 1986. – 507 s.
12. Propp V. Ja. Russkiy geroicheskiy jepos. Sobranie trudov V. Ja. Proppa. Sost. S. P. Bushkevich. – M., 1999. – 640 s.
13. Zhirmunskij V. M. Uzbekskij narodnyj geroicheskiy jepos [Tekst] / V. M. Zhirmunskij, X. T. Zarifov. – M.: Goslitizdat, 1947. – 520 s.
14. Zhirmunskij V. M. Vvedenie v izuchenie “Manasa” [Tekst] / V. M. Zhirmunskij. – Frunze, 1948. – 111 s.
15. Zhirmunskij V. M. Skazanie ob Alpamyshe i bogatyrskaja skazka [Tekst] / V. M. Zhirmunskij. – M.: IVL., 1960. – S. 63-84.
16. Zhirmunskij V. M. Oguzskij geroicheskiy jepos i “Kniga Korguta” [Tekst]: kniga moego deda Korguta: Oguzskij geroicheskiy jepos / V. M. Zhirmunskij / per. akad. V. V. Bartol'da. – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1962. – S. 131-259.
17. Meletinskij E. M. O proishozhdenii literaturno-mifologicheskikh sjuzhetnyh arhetipov. RGGU. – M., 1994. – 136 s.
18. Putilov B. N. Geroicheskiy jepos i dejstvitel'nost' / AN SSSR. In-t jetnografii im. N. N. Mikluho-Maklaja. – L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1988. – 223 s.
19. Putilov B. N. Iskusstvo bylinnogo pevca: Iz tekstologicheskikh nabljudenij nad bylinami // Principy tekstologicheskogo izuchenija fol'klora. – M.-L., 1966. – S. 220-259.
20. Putilov B. N. Koncepcija, s kotoroj nel'zja soglasit'sja // Voprosy literatury. – 1962. – № 11. – S. 98-111.
21. Putilov B. N. Metodologija sravnitel'no-istoricheskogo izuchenija fol'klora. – L.: Nauka, 1976. – 244 s.
22. Putilov B. N. O sovremennom narodnopojeticheskom tvorchestve // Zvezda. – 1954. – № 2. – S. 144-151.
23. Putilov B. N. Russkiy i juzhnoslavjanskiy geroicheskiy jepos: Sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie. – M.: Nauka, 1971. – 316 s.
24. Putilov B. N. Jepicheskoe skazitel'stvo. Tipologija i jepicheskaja specifika. – M.: Vost. lit., 1997. – 295 s.
25. Pjerri M., Lord A. Skazitel'. – M.: Vost. lit., 1994. – 369 s.
26. Grincer P. A. Jepos drevnego mira // Tipologija vzaimosvjazi literatur drevnego mira. – M., 1971. – S. 134-206.

